

История и значение Синодального перевода Библии

Доклад митрополита Волоколамского Илариона на межхристианской конференции, посвященной 140-летию Синодального перевода Библии (Москва, 4 октября 2016 года)

1. Мы сегодня собрались, чтобы отметить важную дату в истории христианства в России – 140-летие Синодального перевода Библии. Для верующего человека естественно с благодарностью чтить память тех, кто дал ему возможность прикоснуться к Благой Вести, прочесть Писание на родном языке. Юбилей библейского перевода – праздник для всех христиан России.

Филон Александрийский, живший в начале нашей эры, писал, что александрийские иудеи ежегодно отмечали годовщину перевода Библии на греческий язык, собираясь на острове Фарос (где, согласно преданию, Семьдесят Толковников перевели Пятикнижие). «И не только иудеи, – пишет Филон, – но также множество других людей приплывают сюда, чтобы почтить то место, где впервые воссиял свет толкования, и возблагодарить Бога за это древнее благодеяние, которое всегда остается новым».

Славянские народы с благодарностью чтут память святых Кирилла и Мефодия, положивших начало славянской Библии. В ту эпоху, когда западная церковь не поощряла переводы на народные языки, Кирилл, Мефодий и их ученики дали славянам Библию на понятном и родном для них наречии. В Болгарии, России и некоторых других странах память Солунских братьев отмечается на государственном уровне – как день просвещения, культуры и славянской письменности.

Не меньшей благодарности с нашей стороны заслуживают и создатели Синодального перевода. Именно в этом переводе знают и читают Библию миллионы говорящих по-русски людей в России и за рубежом.

При этом, в отличие от ситуации, которая нередко имеет место в других странах, где различные христианские конфессии пользуются разными переводами Священного Писания, в России Синодальный перевод не разделяет, а соединяет христиан разных исповеданий. Ярким свидетельством тому является наша сегодняшняя встреча, на которую собрались представители христианских церквей, пользующихся Синодальным переводом.

Различия между «православными» и «протестантскими» изданиями Синодального перевода есть,

но они касаются лишь отдельных мест Ветхого Завета. В «протестантских» изданиях опускаются так называемые «неканонические книги Ветхого Завета»; это вторая и третья книги Ездры, книги Иудифь, Товит, книги Премудрости Соломона, Премудрости Иисуса сына Сирахова, послание Иеремии, книга пророка Варуха и три Маккавейские книги. Все эти книги наличествовали в рукописной библейской традиции Средневековья, но не вошли в библейский канон протестантских общин ввиду того, что они написаны позднее остальных книг Ветхого Завета и не входят в еврейский канон.

В ветхозаветной части «протестантских» изданий Синодального перевода опускаются наличествующие в «православных» изданиях вставки по Септуагинте – места, где перевод еврейской Библии дополнен вставками, сделанными с греческого текста. Все эти расхождения, однако, носят маргинальный характер по сравнению с основной Вестью Ветхого Завета, которая для всех христиан России звучит в едином переводе.

Нет никаких расхождений между «православной» и «протестантской» Библиями в том, что касается сердцевины нашей веры – Нового Завета.

2. Начало библейского просвещения в нашей стране восходит ко временам Крещения Руси. Древнейшие памятники русского языка – это Остромирово Евангелие, написанное в 1056-1057 гг. для Софийского собора в Новгороде, и так называемая «Новгородская Псалтирь», которая датируется концом X – началом XI века, т.е. всего на одно-два десятилетия позже Крещения Руси. Оба древнейших памятника русского языка – библейские тексты. Это ясно говорит нам, что русский язык, русская письменность, русская культура неотделимы от русской Библии.

Благодаря трудам святых Кирилла, Мефодия и их учеников на Руси с самого начала существовала духовная литература на национальном языке. Но, как и любой живой человеческий язык, русский язык менялся. К началу XIX века разрыв между церковнославянским языком и языком повседневного общения увеличивается настолько, что славянские тексты стали малопонятны. Многие представители аристократии – например, Пушкин или император Александр I – если хотели читать Библию, то вынуждены были читать ее на французском. На русском Библии не было, славянский же был уже труден для понимания. В ноябре 1824 года, вскоре после приезда в Михайловское, Пушкин пишет брату в Петербург: «Библию, Библию! И французскую непременно!» Иными словами, Пушкин специально просит прислать ему не малопонятную церковнославянскую Библию, а написанную на понятном для него языке французскую.

Уже к концу XVIII века перевод Писания на русский язык становится на повестку дня. В 1794 году

было издано подготовленное архиепископом Мефодием (Смирновым) «К Римляном послание святого апостола Павла с истолкованием», где параллельно со славянским текстом был дан и русский перевод. Это был первый перевод библейского текста на русский язык, понимаемый как язык, отличный от церковнославянского.

Новый этап в истории русской Библии приходится на начало XIX века, на эпоху Александра I. Во время войны 1812 г., которую Александр I воспринял как посланное Богом испытание, произошло его личное «библейское обращение». Он становится глубоко верующим человеком, Библия (во французском переводе) делается его настольной книгой.

В том же 1812 г. в Россию прибыл представитель Британского Библейского общества Джон Паттерсон. Его предложение об образовании Библейского общества в России получает неожиданную для самого Паттерсона горячую поддержку российского императора. 6 декабря 1812 г. Александр I утвердил доклад князя Александра Николаевича Голицына, сторонника библейского просвещения, о целесообразности открытия Санкт-Петербургского Библейского общества. 4 сентября 1814 г. оно получило название Российского Библейского общества. Президентом Общества стал князь Голицын. Создавалось оно как межконфессиональное; в него входили представители основных христианских конфессий Российской империи. Этот опыт сотрудничества разных конфессий является важным примером для сегодняшних христиан России.

Общество посвятило себя переводу и изданию Библии. За десять лет своего существования оно издало свыше 876 тысяч экземпляров библейских книг на 29 языках; из них на 12 языках – впервые. Для начала XIX века это огромные тиражи. Такое было возможно только благодаря вниманию и личной поддержке императора Александра I. Не остался без внимания и русский язык.

28 февраля 1816 года князь А.Н. Голицын доложил Святейшему Синоду волю Александра I: «Его Императорское Величество... с прискорбием усматривает, что многие из россиян, по свойству полученного ими воспитания быв удалены от знания древнего словенского наречия, не без крайнего затруднения могут употреблять издаваемые для них на сем единственно наречии священные книги, так что некоторые в сем случае прибегают к пособию иностранных переводов, а большая часть и сего иметь не может... Его Императорское Величество находит... чтоб и для российского народа, под смотрением духовных лиц, сделано было переложение Нового Завета с древнего славянского на новое российское наречие».

По ходу дела, однако, планы Российского Библейского общества стали более амбициозными: речь зашла уже о переводе не одного Нового Завета, но всей Библии, и не с «древнего славянского», а

с оригиналов – греческого и еврейского.

Главным вдохновителем, организатором, а в значительной степени и исполнителем перевода Библии на русский язык был ректор Санкт-Петербургской духовной академии архимандрит Филарет (Дроздов), в будущем митрополит Московский, причисленный Православной Церковью к лику святых. Он разработал правила для переводчиков и стал, по сути, главным редактором всех выполняемых переводов, последней инстанцией в их подготовке к печати.

В 1819 году было издано Четвероевангелие. В 1821 году – полный Новый Завет. В 1822-м – Псалтирь. За перевод Ветхого Завета отвечал один из первых гебраистов в России протоиерей Герасим Павский. В 1824 году был подготовлен и напечатан первый тираж Пятикнижия, но в продажу он не поступил. Было решено присовокупить к Пятикнижию книги Иисуса Навина, Судей и Руфи и выпустить их вместе в виде так называемого Восьмикнижия.

Тем временем произошло роковое для перевода событие: в мае 1824 года вследствие дворцовых интриг, инициированных графом Аракчеевым и архимандритом Фотием (Спасским), Александр I отправил князя Голицына в отставку. Новый президент Общества митрополит Серафим (Глаголевский) употребил все усилия на то, чтобы перевод Библии на русский язык был остановлен, а Библейское общество прекратило функционировать. Практически весь тираж только что отпечатанного Пятикнижия с приложением книг Иисуса Навина, Судей и Руфи (9 000 экземпляров) был сожжен в конце 1825 года на кирпичном заводе Александро-Невской Лавры. 12 апреля 1826 года под влиянием графа Аракчеева и его единомышленников император Николай I своим указом приостановил деятельность Общества «впредь до Высочайшего соизволения».

Протоиерею Герасиму Павскому и архимандриту Макарию (Глухареву), которые героически продолжали в эти годы как частные лица работу над переводом Писания на русский язык, пришлось испытать на себе неудовольствие церковных властей того времени.

Остановка работы над русским переводом Библии и, вскоре после того, закрытие Российского Библейского общества были вызваны не только дворцовыми интригами и личной ссорой Александра I с князем Голицыным. Противники перевода, прежде всего знаменитый адмирал Шишков, настаивали на особом сакральном характере славянского языка и непригодности русского языка для передачи религиозного содержания. «...Можем посудить, какая разность в высоте и силе языка долженствует существовать между Священным Писанием на Славенском и других языках: в тех сохранена одна мысль; в нашем мысль сия одета великолепием и важностию слов», – пишет Шишков. В такой перспективе неизбежно вставал вопрос: нужен ли вообще перевод Библии на русский язык при наличии славянского?

«По необыкновенно счастливому стечению обстоятельств словенский язык имеет то преимущество над русским, над латинским, греческим и над всеми возможными языками, имеющими азбуку, что на нем нет ни одной книги вредной», – писал один из виднейших представителей славянофильства Иван Киреевский. Конечно же, любой славист скажет, что это утверждение неверно: в древнерусской литературе мы находим множество «отреченных книг», отвергнутых Церковью, разнообразные «волховники» и «чаровники», книги с откровенно еретическим содержанием. Но мнение об особой – исключительной, почти божественной природе церковнославянского языка – высказывалось в нашей стране снова и снова. Повторяется оно и в наши дни.

Для того, чтобы дать этому мнению церковную оценку, необходимо вспомнить, в частности, историю перевода Библии на славянский язык. Мы знаем, что попытки объявить какие-то языки «сакральными», а все остальные – «профанными» неоднократно предпринимались. Святим Кириллу и Мефодию, основателям славянской письменности, приходилось бороться с так называемой «трехъязычной ересью», апологеты которой считали, что в христианском богослужении и литературе допустимы только три языка: еврейский, греческий и латинский. Именно подвигом Солунских братьев «трехъязычная ересь» была преодолена.

Служение Нового Завета, как пишет апостол Павел, это служение «не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит» (2 Кор. 3. 6). С самого начала христианской истории внимание Церкви было обращено на Весть, на проповедь, на миссию, а не на фиксированный текст на конкретном «священном» языке. Это радикально отличается, например, от отношения к священному тексту в раввинистическом иудаизме или в исламе. Для раввинистического иудаизма Библия принципиально неперевода, а перевод или переложение могут лишь приблизить к пониманию единственно верного текста, каковым является для верующего иудея еврейский масоретский текст. Точно так же и для ислама Коран принципиально непереводим, а мусульманин, желающий знать Коран, должен выучить арабский. Но христианской традиции такое отношение к священному тексту совершенно чуждо. Достаточно сказать, что Евангелия, донесшие до нас слова Спасителя, написаны вовсе не на том языке, на котором Спаситель говорил (арамейском или еврейском). Евангелия – главный источник наших знаний о проповеди Спасителя – содержат Его речи не в оригинале, а в переводе на греческий. Можно сказать, сама жизнь христианской Церкви началась с перевода.

Очень важно для нас, что Православная Церковь никогда не канонизировала какой-то один текст или перевод, какую-то одну рукопись или одно издание Священного Писания. Единого общепринятого текста Библии в православной традиции нет. Существуют расхождения между цитатами из Писания у Отцов; между Библией, принятой в греческой Церкви, и церковнославянской Библией; между церковнославянскими текстами Библии и рекомендованным для домашнего чтения русским Синодальным переводом. Эти расхождения не должны нас

смущать, ведь за разными текстами на разных языках, в разных переводах стоит единая Благая Весть.

Вопрос о канонизации церковнославянской Библии как текста «самодостовверного, подобно латинской Вульгате» был поднят в XIX в. обер-прокурором Святейшего Синода графом Н. А. Протасовым (1836—1855). Однако, как пишет святитель Филарет Московский, «Святейший Синод по трудам исправления славянской Библии не провозгласил текста славянского исключительно самостоятельным и тем прозорливо преградил путь тем затруднениям и запутанностям, которые в сем случае были бы те же или еще большие, нежели какие в Римской церкви произошли от провозглашения самостоятельным текста Вульгаты».

Именно благодаря святителю Филарету вопрос о русском переводе Библии, отодвинутый и как бы забытый после закрытия Библейского общества, был вновь поставлен на повестку дня, когда на смену общественному застою, характеризовавшему Россию времен Николая I, пришла пора реформ, связанных с именем Александра II. 20 марта 1858 года Святейший Синод постановил начать, с соизволения Государя Императора, русский перевод Священного Писания. 5 мая 1858 года Александр II утвердил это решение.

Перевод делался четырьмя духовными академиями. Митрополит Филарет лично просматривал и редактировал книги Библии по мере их подготовки к изданию. В 1860 году вышло в свет Четвероевангелие, в 1862-м – весь Новый Завет. Полная Библия – в 1876 году, уже после смерти святителя Филарета. Всего перевод Нового Завета занял 4 года, Ветхого Завета – 18 лет.

Как и в начале XIX века, вокруг перевода развернулась ожесточенная полемика. Однако необходимость русского перевода для самого существования Российской Церкви была уже столь очевидна, что издание Синодального перевода поддерживалось и церковной, и светской властью. Почти сразу же после появления Синодального перевода Библия вошла в число самых многотиражных и самых распространенных в России книг.

Можно с уверенностью сказать, что за истекшую 140-летнюю историю своего существования Синодальный перевод произвел громадный сдвиг в русской культуре и обеспечил развитие русскоязычного богословия в конце XIX и на всем протяжении XX века.

Историческая правота сторонников перевода Библии на русский язык стала очевидна во времена испытаний, обрушившихся на российских христиан в XX веке. Благодаря Синодальному переводу Священное Писание было с верующими даже тогда, когда духовное образование, в том числе преподавание церковнославянского языка, было практически запрещено, когда церковные книги изымались и уничтожались. Библия на русском языке, доступная для чтения и восприятия,

помогала людям сохранить веру в годы гонений и закладывала основы для возрождения религиозной жизни после падения государственного атеизма. Многие из нас еще помнят, как старые пожелтевшие книжки бережно хранились в семьях наших родителей, как из-за границы контрабандой привозили тоненькие «брюссельские» издания Библии на папиросной бумаге. Синодальный перевод – это наше драгоценное достояние, это Библия новомучеников.

После отмены гонений на Церковь, с 1990-х годов, Библия в Синодальном переводе снова становится в ряд самых широко издаваемых и распространяемых в России книг. Начиная с середины XX века практически во всех православных изданиях библейские цитаты начинают приводиться по тексту Синодального перевода (ранее исключительно по славянскому тексту Елизаветинской Библии). Синодальный перевод лег в основу целого ряда переводов Библии на языки народов Российской Федерации (таких, например, как крышанский или чувашский).

3. Отдавая дань уважения и благодарности создателям Синодального перевода, мы не можем не учитывать также и конструктивную критику в его адрес.

Есть в Синодальном переводе многочисленные редакторские недочеты. Часто одно и то же имя собственное в различных книгах (а иногда и в пределах одной книги) передается в Синодальном переводе по-разному, и напротив, иногда различные еврейские имена совпадают в русской транскрипции. Например, один и тот же израильский город Хацор именуется то Асор, то Гацор, то Эсора, то Нацор. Нередко имена собственные переводятся так, как если бы они были нарицательными или даже глаголами, а в ряде случаев имена нарицательные передаются транскрипцией в качестве имен собственных. Отмечается неточность в передаче реалий, бытовых и социальных особенностей древнего мира, неизвестных или неверно понимаемых наукой XIX в.

Некоторые места могут ввести читателя в заблуждение. Например, в Синодальном переводе книги пророка Малахии (2:16) читаем: «...если ты ненавидишь ее (т. е. жену юности своей), отпусти, говорит Господь Бог Израилев». Однако и еврейский, и греческий текст здесь говорят об обратном – о том, что Бог ненавидит развод. (Славянский текст: «Но аще возненавидев отпустиши ю, глаголет Господь Бог Израилев, и покрывает нечестие помышления твоя».)

Синодальный перевод Нового Завета выполнен с большей тщательностью, чем перевод Ветхого Завета. Однако и к Синодальному переводу Нового Завета можно предъявить немало претензий. Можно вспомнить, что когда обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев попросил Н.Н. Глубоковского составить список неточностей Синодального перевода Нового Завета, тот ответил ему пятью тетрадками исправлений.

Приведу лишь один пример такой неточности, недавно попавшийся мне на глаза при чтении книги Деяний апостольских. В этой книге рассказывается о том, как во время пребывания апостола Павла в Ефесе «произошел немалый мятеж против пути Господня». Начальник гильдии серебряных дел мастеров собрал толпу, которая выразила свое возмущение проповедью христиан тем, что в течение двух часов кричала: «Велика Артемида Ефесская!» Тогда, чтобы утихомирить людей, был вызван из народа некий Александр, который, в числе прочего, сказал: «Мужи Ефесские! Какой человек не знает, что город Ефес есть служитель великой богини Артемиды и Диопета?» (Деян. 19:23–35).

Мы знаем, кто такая Артемида. Но кто такой Диопет? Можно было бы предположить, что это один из греческих богов или героев античной мифологии. Но такого бога в греческом пантеоне вы не найдете, и в греческих мифах нет такого героя. Слово *διοπετής/diopetês*, ошибочно переведенное как имя собственное («Диопет»), буквально означает «низринутый Зевсом», то есть упавший с неба. Эврипид в трагедии «Ифигения в Тавриде» употребляет этот термин по отношению к статуе Артемиды Таврической, имея в виду, что она упала с неба, то есть является нерукотворной. Главной языческой святыней Ефеса была статуя Артемиды Ефесской, и, вероятно, Александр в своем обращении к ефессянам указывал на представление об этой статуе как нерукотворной. Следовательно, перевести его слова надо было бы так: «Какой человек не знает, что город Ефес есть служитель богини Артемиды, великой и нерукотворной?» (или «великой и упавшей с неба», или буквально – «великой и низринутой Зевсом»). От таинственного Диопета не остается и следа.

Чаще всего при обсуждении недостатков Синодального перевода указывают на его текстологический и стилистический эклектизм. В этом пункте сходятся критики Синодального перевода «слева» и «справа». Текстологическая основа Синодального перевода – не греческая, но и не вполне еврейская. Язык – не славянский, но и не вполне русский.

Обер-прокурор Святейшего Синода в 1880-1905 годах Константин Петрович Победоносцев считал, что Синодальный перевод должен быть приближен к славянскому тексту.

Напротив, Иван Евсеевич Евсеев, председатель Русской библейской комиссии, в докладе «Собор и Библия», который он представил Всероссийскому Церковному Собору 1917 года, критиковал Синодальный перевод за излишнюю архаичность и несоответствие нормам литературного языка: «...Русский Синодальный перевод Библии... завершен, правда, недавно – всего в 1875 году, но на нем вполне отразились все особенности не любимого детища, а пасынка духовного ведомства, и он неотложно требует пересмотра или, еще лучше, – полной замены... Его оригинал не выдержан: то он передает еврейский оригинал, то греческий текст LXX, то латинский текст, – словом, в этом переводе сделано все, чтобы лишить его характера целостности,

однородности. Правда, эти свойства незаметны для рядового благочестивого читателя. Гораздо существеннее его литературная отсталость. Язык этого перевода тяжелый, устарелый, искусственно сближенный со славянским, отстал от общелитературного языка на целый век... это совершенно недопустимый в литературе язык еще допушкинского времени, не скрашенный притом ни полетом вдохновения, ни художественностью текста...»

С этой оценкой Синодального перевода я согласиться никак не могу. Даже сегодня, сто лет спустя после того, как Евсеев выступал со своей критикой, Синодальный перевод остается читаемым, доступным, легким для восприятия. Более того, ни один из русских переводов, появившихся после него, не превзошел его ни по точности, ни по понятности, ни по поэтической красоте. Это мое личное мнение, и кто-то может с ним поспорить, но я считаю нужным его озвучить в этой почтенной аудитории.

Тем не менее, необходимо отметить, что Евсеев, по сути, предлагал Всероссийскому Церковному Собору целую программу работы над славянской и русской Библиями. Во многом именно для решения вопросов, связанных с Синодальным переводом, на Соборе предлагалось создать Библейский совет при Высшем Церковном Управлении. Рассмотрение доклада об учреждении Библейского совета намечалось на весеннюю сессию Собора в 1919 году. Как известно, этой сессии не суждено было собраться, и весь круг проблем, связанных с совершенствованием Синодального перевода, так и остался нерешенным.

Трагедия, постигшая Россию после 1917 года, надолго отодвинула в сторону многие вопросы, обсуждавшиеся на Соборе, в том числе и вопросы, связанные с переводом Библии. В ситуации, когда под угрозу было поставлено само существование христианства в России, было уже не до улучшения существующих библейских переводов. На долгих семьдесят лет Библия попала в число запрещенных книг: она не издавалась¹, не переиздавалась, не продавалась в книжных магазинах, и даже в храмах ее достать было практически невозможно. Лишить людей доступа к главной книге человечества – лишь одно из преступлений безбожного режима. Но это преступление ярко характеризует суть той идеологии, которую насаждали насильственным путем.

4. Сегодня времена изменились, и Библия в Синодальном переводе беспрепятственно продается в том числе и в светских книжных магазинах. Книги Священного Писания распространяются и бесплатно, пользуясь неизменным спросом. Например, после того, как два года назад Благотворительный фонд святителя Григория Богослова в сотрудничестве с Издательством Московской Патриархии инициировал программу бесплатного распространения книги «Новый Завет и Псалтирь», было роздано более 750 тысяч экземпляров. Причем раздача была адресной –

книгу получали только те, кто этого действительно желали, а не случайные прохожие на улице.

Появились и новые переводы отдельных книг Библии. Эти переводы очень разного качества. Так, например, в начале 1990-х годов появился перевод посланий апостола Павла, сделанный В.Н. Кузнецовой. Приведу лишь несколько цитат: «Ах, вам бы потерпеть меня, даже если я немного глуповат! Ну уж потерпите, пожалуйста... Я считаю, что ни в чем не уступаю этим самым что ни на есть сверхапостолам. Может, я не мастер говорить, но что касается знания, тут другое дело... Повторяю еще раз: не принимайте меня за дурака! А если принимаете, то дайте мне еще немножко побыть дураком и чуть-чуть побахвалиться! То, что я сейчас скажу, конечно, не от Господа. В этой затее с хвастовством я буду говорить как дурак... Пусть кто угодно претендует на что угодно – я все еще говорю как дурак...» (2 Кор. 11:1–22). «Я совсем помешался! Это вы меня довели! Это вам бы надо меня нахваливать! Пусть так, скажете вы, да, я вас не обременил, но я ловкач и хитростью прибрал вас к рукам. Может быть, мне удалось пожить через кого-нибудь из тех, кого я посылал к вам?» (2 Кор. 12:11–18). «Пища для брюха и брюхо для пищи... И ты часть тела Христа хочешь превратить в тело проститутки? Боже упаси!» (1 Кор. 6:13–16).

Как я написал в рецензии, опубликованный в «Журнале Московской Патриархии» вскоре после выхода в свет этой кощунственной поделки (другими словами мне трудно назвать этот «перевод»), когда знакомишься с подобными текстами, возникает ощущение, будто ты не Священное Писание читаешь, а присутствуешь при перебранке на кухне коммунальной квартиры. Появлению этого ощущения способствует своеобразный набор слов («дурак», «побахвалиться», «затея», «помешался», «нахваливать», «ловкач», «пожить», «брюхо», «проститутка») и идиом («не мастер говорить», «прибрал к рукам», «самым что ни на есть», «меня довели»). Священный текст низводится на площадный, базарный, кухонный уровень.

Конечно, такие переводы только компрометируют дело библейского перевода. Но это не значит, что работа над переводом Священного Писания вообще не должна вестись. Сегодня, празднуя юбилей Синодального перевода, мы должны задуматься о том, чтобы нам оказаться достойными нашей великой традиции, восходящей к святым Кириллу и Мефодию, которые, вопреки «трехъязычной ереси» и гонениям со стороны латинского духовенства, дали славянскую Библию славянским народам, а также к святителю Филарету и другим творцам Синодального перевода.

Постоянное попечение о том, чтобы Слово Божие было внятно и близко нашим современникам, – это долг Церкви. Но в каких конкретных деяниях должно выражаться это попечение? Нужен ли нам новый перевод Священного Писания, или достаточно отредактировать имеющийся Синодальный? А может быть, и редактировать его вовсе не надо?

Поделюсь, опять же, своим личным мнением. Мне думается, что замахиваться на полный новый

перевод Библии сегодня не следует. Но можно было бы подготовить отредактированное издание Синодального перевода, в котором наиболее очевидные неточности (подобные упоминанию о Диопете в книге Деяний) были бы исправлены. Понятно, что для подготовки такой редакции Синодального перевода необходима группа компетентных, высококвалифицированных специалистов в области библеистики. Очевидно также, что новая редакция перевода должна получить одобрение церковной власти.

Синодальный перевод не является «священной коровой», к которой нельзя прикасаться. Неточности этого перевода очевидны и достаточно многочисленны. А кроме того, сама новозаветная текстология сегодня находится на совершенно ином уровне, чем 140 лет назад. Не учитывать ее достижения при работе над переводом Священного Писания невозможно.

Надеюсь, что празднование 140-летия Синодального перевода станет поводом к тому, чтобы задуматься над его усовершенствованием.

¹За исключением небольших малотиражных изданий Московской Патриархии, доступных только узкому кругу церковных работников. Первое такое издание появилось в 1956 году.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/49156/>